зий о древней русской литературе, как радовался тем перспективам, которые открыла советским ученым марксистско-ленинская методология в подлинно научном изучении литературного наследия феодальной Руси.

Во многих и многих работах Н. К. Гудзия отразилась радость трудных поисков применения новой научной методологии к исследованию древней русской литературы. И он стал одним из тех, кто создал марксистскую медиевистику.

Статья Н. К. Гудзия «К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник?» (1934), сколько бы ни продолжались споры на эту тему, сохраняет свое принципиальное значение как один из первых замечательных творческих опытов, как одна из первых постановок вопроса о демократических истоках древней русской литературы и об отражении в ней идеологии демократических слоев феодального общества. То же, и в еще большей степени, следует сказать об изучении Н. К. Гудзием наследия протопопа Аввакума. Николаю Каллиниковичу одному из первых удалось подойти к нему в науке как к литературному факту и заглянуть в богатейший, сложный, противоречивый внутренний мир писателя, в сознании которого своеобразно отразились сложные процессы русской жизни во второй половине XVII в. Изданная Н. К. Гудзием книга «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения» (Academia, 1934) с его большой вступительной статьей «Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление» и с комментариями в течение четверти века оставалась образцом. Исследования Н. К. Гудзия, посвященные Аввакуму, составили определенный этап в советской медиевистике, дали толчок к новым изучениям наследия выдающегося русского писателя XVII в. и не потеряли своего значения до сих пор.

Даже в частных и весьма конкретных исследованиях Н. К. Гудзия всегда бьется пытливая мысль исследователя, задумывающегося над большими проблемами своеобразия древней русской литературы. Из различных, казалось бы, мелких заметок, посвященных «Слову о полку Игореве», складывается целостное воспроизведение художественных особенностей выдающегося памятника литературы Киевской Руси. Например, точное определение Н. К. Гудзием границ «Золотого слова» Святослава, имеющее на первый взгляд частный и лишь текстологический характер, ценно именно тем, что помогает ощутить лирическую природу «Слова о полку Игореве» в целом. Только скрупулезное знание текста, композиции, языка и стиля памятника позволило Н. К. Гудзию выступить в числе других советских исследователей с убедительной полемикой против академика А. Мазона (Франция), в ряде работ отрицающего подлинность «Слова о полку Игореве».

В статье о деятельности Серапиона Владимирского из конкретной и как будто имеющей лишь узко биографический характер темы (где именно была написана бóльшая часть «слов» древнерусского проповедника) возникает принципиальное определение автора как писателя Владимиро-Суздальской Руси, воспринявшего киевскую литературную традицию, и как активного участника процесса формирования новой литературной традиции, «порожденной особенностями общественно-политических и экономических условий уже северной Руси».[4]

Большое внимание Н. К. Гудзий уделяет проблеме взаимодействия литератур разных народов в эпоху феодализма, в первую очередь русской и

---

[4] ИОЛЯ, т. XI, вып. 5. М., 1952, стр. 456.